

Отзыв официального оппонента о диссертации Анны Александровны Поляковой «Опыты реконструкции творческих замыслов А. А. Бестужева-Марлинского 1820-1830-х гг.», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Исследовательский сюжет рецензируемой работы А. А. Поляковой, посвященной творчеству А. А. Бестужева-Марлинского, определяется взаимосвязанностью двух изначально сформулированных диссертанткой идей: 1) изучить и ввести в научный обиход богатую переписку писателя (опубликованную лишь отчасти); 2) выявить в его наследии и подвергнуть анализу произведения второстепенные, неоконченные, – которые, тем не менее, занимали определенное место в творческих исканиях автора и представляют интерес для понимания его литературного пути. Если вспомнить непростые обстоятельства жизни Бестужева, со сменой мест вынужденного обитания и занятий, в результате чего переписка превратилась в важнейший источник информации об этой жизни и взглядах автора, – сопряжение этих двух исследовательских маршрутов представляется оптимальным, не требующим специальной аргументации. При этом обратим внимание на то, что до А. А. Поляковой такой подход к изучению творчества Бестужева никем не был заявлен и апробирован. На фоне достаточно долгого «тупикового», по выражению диссертантки, периода, изобиловавшего многократным возвращением исследователей к одному и тому же кругу произведений писателя (со сходной их интерпретацией), он представляется особенно актуальным.

Отмечая выбор и перспективность этого подхода как несомненную заслугу автора диссертации, считаю необходимым сразу отметить также его результативность. Однако прежде, чем говорить об итогах, обратимся непосредственно к диссертации и ее структуре.

Отбор материала для анализа творческих замыслов писателя, недостаточно изученных ранее (либо не изученных совсем), определялся интересом диссертантки к их судьбе. Поиски ответов на вопрос об их лишь частичном (либо «нулевом») осуществлении проведены на основе досконального исследования конкретных условий их реализации. История каждого из четырех выбранных для изучения замыслов: травелога «Поездка в Ревель», неосуществленных «московских записок» и авторского альманаха 1829 г., а также незавершенного романа «Вадимов», – рассматривается А. А. Поляковой в тех контекстах (биографическом, литературном, творческом и др.), которые, по ее представлениям, либо стимулировали развитие каждого из них, либо препятствовали его осуществлению. Такой детерминистский подход, опирающийся на анализ, позволяет

выработать представление о позиции и логике поисков писателя, формирующих динамику его творчества в целом.

Первая глава посвящена истории создания «Поездки в Ревель» – рубежному произведению, завершившему начальный этап литературной биографии Бестужева и во многом определившему последующее развитие его прозы. Травелог рассматривается в жанровом и идейном контекстах, позволяющих проследить эволюцию Бестужева-прозаика от следования Стерну, Дюпати и Карамзину в духе традиции «сочиненных очерков», сложившейся в ВОЛРС к началу 1820-х годов, к историческим повестям. Предпринятый А. А. Поляковой детальный анализ композиции и поэтики «Поездки в Ревель» позволяет выявить жанровую сложность травелога, демонстрирующую не только следование программным требованиям ВОЛРС, но и авторские принципы работы с материалом. Последовательно возрастающая роль второго фактора обнаруживается при сравнении журнальной и книжной версий травелога, которые диссертантка вполне обоснованно квалифицирует как две ощутимо различающиеся редакции произведения. Вставки исторического характера, внесенные Бестужевым в книжный вариант содержательные и стилистические изменения, усиление занимательности повествования, как наглядно показано диссертанткой, последовательно формируют поэтику, свойственную написанным вслед за «Поездкой в Ревель» «ливонским» повестям и, во многом, художественной прозе Бестужева в дальнейшем.

Существенно, что анализ этого процесса исследовательница систематически дополняет конкретными уточняющими, почерпнутыми из публикаций и архивных документов сопоставлениями с культурно-литературным фоном происходящего – что придает убедительность и рельефность итоговой картине. Этот принцип сохраняется А. А. Поляковой и далее, на протяжении всего диссертационного исследования.

Следующие две главы посвящены замыслам не осуществленным: не написанным «московским запискам» и не сформированному «якутскому» авторскому альманаху, – что способно вызвать сомнение в необходимости их изучения. Такого рода сомнения, однако, безоговорочно снимаются при знакомстве с ходом исследования. Найденные диссертанткой объяснения нереализованности этих замыслов позволяют составить представление о препятствовавших тому, в понимании Бестужева, условиях – и его на них реакции, а тем самым – о приоритетных установках и главных целях его литературной деятельности в 1820-е годы. Эти установки и цели оказываются многообразными.

Остановлюсь подробнее на анализе второго параграфа второй главы диссертации, посвященного замыслу «московских записок», – самого небольшого по объему и, казалось бы, почти лишённого материальной основы изучения (несмотря на настойчивые советы Вяземского, к «запискам» Бестужев даже не приступил), – чтобы продемонстрировать множественность влияний разного рода факторов, убедительно выясненную диссертантом и обусловившую многоаспектность изучения ситуации. Проблемной пружиной раздела становится вопрос о причинах отказа Бестужева от реализации «записок». Необходимость рассмотрения этого отказа подготовлена предшествующим параграфом диссертации – о первой поездке в Москву, главным результатом которой справедливо указано творческое сближение с П. А. Вяземским.

А. А. Полякова детально рассматривает ряд причин, определивших позицию Бестужева. Первой из них обозначено высказанное им в письме к Вяземскому сомнение в возможности написать что-либо достойное после Н. М. Карамзина, «Записки о московских достопамятностях» которого Вяземский предлагал Бестужеву как образец жанра. Причины скепсиса Бестужева подтверждены далее сравнительным анализом двух текстов, потенциально близких предложенной Вяземским модели: его собственного стихотворения «Петербург» и бестужевской «Поездки в Ревель». Главной же причиной отказа Бестужева от осуществления «записок» А. А. Полякова считает постепенную потерю писательского интереса к такого рода историческим текстам, а также ощущаемое им отсутствие склонности к истории у читателя. Наконец, еще одной существенной причиной произошедшего исследовательница называет заботу Бестужева о своей репутации издателя «Полярной звезды», заинтересованного в привлечении новых авторов, – что делало нежелательным предполагавшийся для публикации сатирический подтекст в отношении московских литераторов. Все эти причины подробно и четко аргументированы исследовательницей в опоре на целый ряд обстоятельств и текстов: эпистолярных, художественных, критических, исследовательских (общим числом 36, с упоминанием 24 имен).

Третья глава диссертации, посвященная истории несостоявшегося авторского альманаха 1829 г., интересна новаторским характером обращения Бестужева к проблеме репрезентации своего творчества в непростых условиях якутской ссылки. Известный факт подготовки им издания своих произведений для публикации в жанре авторского альманаха получает у А. А. Поляковой подробное аналитическое освещение на основе осмысления немногих фактически сохранившихся материалов, причем не только через характеристику материально-бытовой ситуации, сложившейся в жизни Бестужева в конце

1820-х гг. (раздел 1), но и в плане представления об эстетической позиции Бестужева этого периода (раздел 2). Диссертантка правомерно обращает внимание на готовившуюся Бестужевым в процессе подготовки авторского альманаха статью о романтизме в сопоставлении с классицистическим принципом «подражания природе», которую предполагалось сделать вступительной к изданию. Существенно, что положения этой статьи, важные для Бестужева, как показано А. А. Поляковой, нашли свое продолжение в дальнейшей его деятельности, приведя к фундаментальным сопоставлениям планов формы и содержания в системе классицизма и романтизма. Эстетические взгляды Бестужева в 1820-е годы анализируются А. А. Поляковой также в связи с полемикой вокруг романа «Евгений Онегин» и отзывом Бестужева на пушкинский «Разговор книгопродавца с поэтом». Специальный интерес представляет убедительный материал, свидетельствующий об увлечении Бестужева этой поры немецкой литературой, прежде всего Гете, – и опровергающий высказанное некогда В. М. Жирмунским мнение об отсутствии внимания Бестужева к «немецкой музе». В аспекте отношения к иноязычным традициям интересен и сравнительный анализ стихотворений Бестужева с одноименными текстами Е. А. Баратынского («Череп», «Финляндия»), наглядно уточняющий эстетическую позицию Бестужева и свидетельствующий о его устремленности к идеальной стороне в поэтическом творчестве. Финал главы, в котором А. А. Полякова обращает внимание на тему «Фауста» у Бестужева, открывает перспективу для анализа его творчества уже 1830-х годов, – одновременно фиксируя некоторую противоречивость творческих установок конца 1820-х (что косвенно связано, как кажется, с состоянием постоянного напряженного поиска, свойственного натуре Бестужева).

Глава 4 посвящена истории наиболее масштабного из проанализированных в диссертации замыслов Бестужева: романа «Вадимов». Незаконченный, сохранившийся лишь в отрывках, этот роман, по убеждению А. А. Поляковой, достоин внимания в связи с тем, что работа над ним явилась особенно важной составляющей в творческой эволюции Бестужева 1830-х годов. Эта работа рассмотрена в диссертации в двух связанных между собой контекстах: историософских исканий Бестужева и его современников – и в общелитературном контексте становления жанра исторического романа. Оба контекста представлены масштабно и, что особенно важно, – проблемно, через историю полемики 1830-х гг. В первом случае, из анализа известной дискуссии о том, как следует писать российскую историю, выясняется место Бестужева как противника «подражательности» и сторонника поисков сопряжения истории частной со всеобщей – на стороне Н. А. Полевого, выпустившего в 1829 г. первый том «Истории русского народа» и

противопоставленным им труду Н. М. Карамзина. При этом важным представляется отмеченный исследовательницей интерес Бестужева также к трудам европейских историков (Нибура и Тъери).

Что же касается известных споров о романе, развернувшихся с конца 1820-х годов, то А. А. Полякова репрезентирует этот контекст полемикой о романе Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» – как резонансном в отечественной литературной жизни в целом, а также вызвавшем появление косвенно связанного с ним эпизода из романа «Вадимов» и оценочные отклики Бестужева в письмах. Оценки эти, как и у большинства литераторов, носили критический характер; но в аспекте данной главы А. А. Полякова справедливо выделяет концептуальное отношение Бестужева к историческому аспекту романа – не дающего, по его мнению, общей картины русской жизни. Автору диссертации в данной ситуации, таким образом, важен не столько факт недовольства, сколько глубинная мотивация Бестужева – которая выявляется на фоне критического диалога о романе Булгарина, развернувшегося между Полевым и Надеждиным, но одновременно и в связи, опять же, с его собственным романом «Вадимов». Характерно обозначенное Бестужевым в наброске «Мысли и заметки» противопоставление истории (которая «любит массы») роману (тяготеющему к «частностям»). Отталкиваясь от этой идеи Бестужева, с учетом также ряда других его суждений и замечаний, А. А. Полякова формулирует представление Бестужева об историческом романе как жанре, призванном совмещать частную историю с историей «большой». Эта позиция, в соединении с отношением Бестужева к романам Вальтера Скотта, становится для исследовательницы отправной точкой для анализа в стремлении определить собственный путь романа «Вадимов», — что нельзя не признать оправданным и весьма удачным ходом.

Реконструируя сюжет «Вадимова», диссертантка выделяет этапы писательского поиска, трансформации изначального замысла, а также выявляет принципиальную для автора тенденцию последовательного расширения границ изображаемого, его исторической и географической многоплановости. Обоснованной и интересной выглядит предложенная А. А. Поляковой возможность видеть в Льве Вадимове современного «героя воли», а в «Журнале Вадимова» – панорамную, но целостную историю человечества. Предположительные проекции такого сюжета на реальные эпизоды русской и всемирной истории А. А. Полякова, ввиду незавершенности романа, оставляет в статусе гипотетических; но выявленная ею концептуальная емкость замысла романа не вызывает сомнений.

Что касается причин незавершенности романа, то, несмотря на очевидную возможность ограничиться указанием на сложные внешние обстоятельства жизни Бестужева этого периода, исследовательница разрабатывает и предлагает также свою версию, которая позволяет содержательно углубить представление о творческих поисках Бестужева. Изложению и аргументации этой версии посвящен последний параграф этой главы, завершающей диссертацию: «После «Вадимова», посвященный рассказу «Он был убит (1834-1835)». Внешне оформленный как своеобразный «постскриптум», этот раздел представляется чрезвычайно важным звеном всего исследования – итоговым и одновременно перспективным. При ряде сходств рассказа с замыслом «Вадимова», А. А. Полякова обращает внимание на принципиальные различия в поэтике этих двух произведений. Отсутствие историсофского контекста в рассказе, введение повествования от первого лица; композиция текста; выдержанный принцип ритмической смены двух временных пластов в рассказе – приводят исследовательницу к принципиальному и безукоризненно аргументированному выводу о сознательно и последовательно выстроенной Бестужевым целостной организации рассказа (А. А. Полякова квалифицирует его как своеобразное стихотворение в прозе, с единым субъектом повествования) – целостности, оказавшейся недостижимой в иначе структурированном (и тем самым обреченном на незавершенность) романе.

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования. Они перечислены, с указанием основных выводов по каждой главе – и этот перечень достойно венчает проделанную работу. Завершая отзыв, считаю необходимым еще раз отметить ее высокий уровень, информативность и перспективность результатов. Исследование интересно по существу и хорошо продумано по форме. Проблемно мотивированный и внимательно изученный материал (в том числе архивный), тщательно продуманная структура диссертации и профессиональное владение искусством литературоведческого анализа обусловили доказательность всех основных положений работы – и отсутствие принципиальных ошибок или просчетов в тексте диссертации.

При этом хотелось бы задать автору диссертации несколько вопросов, возникающих при ее чтении. Причина их появления обусловлена, в частности, характером Заключения – лишенного дополнительного системного обобщения результатов, стремления соположить их на едином метауровне. Могу предположить, что это сделано Поляковой сознательно, с целью дистанцироваться от подобных обобщений как чреватых нивелированием границ между неединообразными исследовательскими сюжетами и избежать натяжек. Это, однако, не отменяет право оппонента вопросы.

Первый вопрос связан с оценкой сделанного: насколько, по мнению автора диссертации, проведенное исследование исчерпало принципиальные возможности изучения творчества Бестужева на основе его эпистолярия?

Второй вопрос касается возможных путей дальнейшей разработки представленных результатов: изначально обозначив целью диссертации выход из тупика, сложившегося в изучении литературного наследия Бестужева, в чем конкретно видит автор диссертации реальные перспективы этого дальнейшего изучения – открывающиеся, в частности, с опорой на проделанное исследование?

Наконец, третий вопрос состоит в том, позволяют ли полученные в диссертации результаты расширить и обогатить – и, если да, то в каком отношении – представление о роли творческой деятельности Бестужева в литературном процессе, развитии отечественной словесности в целом?

Представленная диссертация свидетельствует о том, А. А. Поляковой проделан большой и серьезный труд, имеющий несомненное значение для отечественной науки. Изучены и введены в научный обиход новые документальные материалы, определившие концепцию исследования. Выполненная работа рекомендует исследовательницу как эрудированного, добросовестного и глубокого специалиста-филолога широкого профиля, серьезного и увлеченного профессионала. Целенаправленность, опора на систему точных конкретных наблюдений позволяет осмыслить выстроенную диссертантом картину творческих исканий А. А. Бестужева-Марлинского в ее целостности и документальной достоверности, сообщая исследованию качество несомненной научной новизны как в силу привлечения большого фактического материала, так и продуманной систематизации сделанных наблюдений.

Помимо анализа истории четырех замыслов Бестужева, нужно отметить самостоятельную ценность Приложения к диссертации, освещающего историю издания «Русских повестей и рассказов» Бестужева 1832-34 гг., с включением богатого материала, связанного с осуществлением этого проекта.

Результаты работы, адекватно представленные в публикациях по теме, интересны и значительны. Они могут быть полезны как для дальнейшего изучения творчества Бестужева, так и для понимания закономерностей и динамики литературного процесса XIX века в целом. Целесообразность и плодотворность их практического использования не подлежат сомнению.

Все сказанное позволяет резюмировать: диссертационное исследование «Опыты реконструкции творческих замыслов А. А. Бестужева-Марлинского 1820-1830-х гг.» имеет несомненное историко-литературное значение, отвечая всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание степени кандидата филологических наук по специальности «10.01.01 – Русская литература», соответствует п.п. 9, 10, 11 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842, а его автор, Анна Александровна Полякова, вне сомнения, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Доктор филологических наук,

профессор кафедры русской литературы РГПУ им. А. И. Герцена

Л.Е.Ляпина

РГПУ им. А. И. ГЕРЦЕНА

подпись *Л.Е. Ляпина*

удостоверяю *23 09* 20*20* года

Отдел персонала и социальной работы
управления кадров и социальной работы

Ведущий документовец
и специалист по персоналу
и социальной работе
В.В. Рубичик
В.В. Рубичик